

«СТАРШАЯ СЕСТРА»

НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ «СОВРЕМЕННОКА»

ИДЕТ спектакль «Старшая сестра» Александра Володина, поставленный В. Львовым-Анохиным и оформленный Е. Мессерером. Появляется на сцене дядюшка Ухов, и первые минуты сценической жизни Олега Ефремова в этой роли несколько озадачивают.

Дело в том, что, играв Ухова, автор не прчет свою индивидуальность и обаяние своего почти дане не скрывает. Ефремовская индивидуальность и материал роли современного мещанина, необычайно тонко заданы Володиным. Два эти качества, казалось бы, несоединимые, не борются, но подчиняют одна другую, но переплетаются нерасторжимо, давая в итоге совершенно неожиданый сценический характер и притом любительский.

В этом спектакле Ухов своему обаятели и даже трагизму, когда старшая устроит судьбу племяннику. Да к тому же он вовсе и не так староводен, как могло показаться поначалу. Он даже юмора не лишен — вспомните только совершенно невозможную реплику племяннице Лиде, правдивой устроившей судьбу племянника. Да к тому же не менее пытаясь поднять голос на семейном совете: «Спорить научилась, научись басни читать».

Отговаривая сразу: режиссер и актер не спорят с ролью, просто они приторчивают в ней то, что пока еще в минимальной степени оставляло внимание художника, бравившись за сценическое исполнение «Старшей сестры». И, мне думается, взгляд «Современника» на человеческий тип, подобный уховскому, не только неожидан, но и глубок. Этот взгляд, пронизывающий и еще более беспощадно-резвый оттого, что извлечено наружу все милое, симпатичное, привлекательное, что только можно было в дядюшке найти.

В самом деле, чем располагавшей, проще, по-обыкновенности обыкновенен дядюшка, тем неизбежно мельче конфликт бытсы — конфликт между началом мещанско-протрибельским и началом творческим в жизни, в душах людей. Философия мещанства дрябленина и толпа, она владеет искусством мимикрии, у нее масса азгичных окрасок. И, случается, не только троп

лотды и мастодоты оказываются подвержены ей, случается — окручивает она и человека, не лишеного добрых задатков, скручивает и превращает в убежденного своего защитника и пропагандиста. Философия мещанства обречена, но тем не менее нельзя недооценивать ее опасности и способности к сопротивлению, особенно сегодня, когда настаиваем мы ее даже в самых отдаленных закоулках и темных углах, высыираем из последних выжженных гнейд...

И если есть в спектакле «Современника» трагическая судьба, то это судьба Ухова. Доброго и заботливого человека, желающего счастья близким ему людям, умеющего идти на жертвы ради них, но органически неспособного понять, что все его заботы — явное, мимо, что он только ломает жизнь этих людей, приносит им горе и боль.

Вспомните сцену сватовства, затеянного Уховым. Лучшую, быт может, сцену спектакля.

Мучительная до того, что глаза подыть трудно, неловкость Нади и Володи, деморализованных, заведливо добровольно и скорлудливо вытвными ролями жениха и невесты. И больная Лидя, которую несколько минут назад дядюшка, опять-таки из самых лучших побуждений, навсегда, быт может, разлучил с любимым человеком. — Лидя, затравленно выглядывающая из-под одеяла.

И только Ухов чувствует себя, как рыба в воде. С улыбки понимающе-дукавой пододвигет он стол, по разные стороны которого сидят Володя и Надя. Потом заводит литефон (а улыбка не сходит с лица, все та же улыбка человека, знающего, что он делает доброе дело, но не требующего за это благодарности) и почти насильно заставляет Володю пригласить Надю на танец — дескать, вх аы, молодежь, учить вас только и учить... Мгновенное недоумение — что-то Надя ведет себя странно, и прямое недоумение, когда решится на вопрос племянницы о зарплате «жениха» — явче, что ли, деньги было узнать, это же непри-

лично — на десятю минуту знакомства! Потом Надя заговорила о том, что, с ее точки зрения, ум женщины — скромность, и снова отлегло у него от сердца — да да, по-слушайте мою Надю, она еще и не такое знает, она самостоятельная и не лезет в мои ладони, как некоторые... И, наконец, поняв, что Надя устроила спектакль, зло разыграла и его самого, и Володю. Смотрит на нее с жалостливым сочувствием и мягким укором: мои труды прахом, бог с ними, но ты-то, ты-то, вам тебе, что ли, в девках сидеть?...

И дядюшка в конце спектакля, Надя, вопреки стараниям Ухова, стала актрисой, а Лидя, опять-таки, вопреки его стараниям, решила соединить свою жизнь с Кириллом. Что ж, пусть. Молодость свойственно стремление к самостоятельности в решениях, в выборе своей судьбы. Рагне он не понимает! Он понимает, что не против (удивительный штрих)! Но теперь-то все налаживает: конец метаний, неудовлетворенности, мучительным поиском себя! Есть плюшевый альбом, куда аккуратно и любовно будет подшивать дядюшка рецензии о Неданных премьерх, вот она в этом альбоме, определяющаяся и безоблачная Надя судьба. А Лидя... Правда, развод Кирилла с женой — это не очень красиво, ну да бог с ним, а главное, что и здесь никто бесплояностям и неустройностям!

И когда вдруг выясняется, что это не так и что, мало того, племянницы теперь уже просто не хотят слушать его увещаний, — более горько измученного человека, чем ефремовский Ухов, трудно себе представить. Ведь он так и не понял и не поймет, что в жизни племянник так будет всегда, — и бесплояство, и неудовлетворенность достигнуты. «Мы еще продолжим наш разговор», — говорит дядюшка, уходя. Он, конечно, обижен очень, но стерпал обиду, потому что любит племянниц и приваяк к ним. И ой еще не раз попытается допытать им, что надо жить «всех людей» (дядюшка абсолютно убежден, что, если не все, то почти все живут так, как он). Он еще придет, добрый, заботливый. Слы-

шите? Он придет. Будете готовы повторить его...

А ТЕПЕРЬ я хочу сказать о том, что спектакль «Современника» поточчен. Да, да, вот с таким дядюшкой — это очень поэтический спектакль. Театр умрпо идет поэтический начало в коллдимных твсах, и если в «Пяти вечерах» поиск этот был бы слишком плодотворен, то «Старшей сестрой» театр открыл для нас в Володине очень многое. Можно говорить о том, что на редкость оригинально звучат светлая музыка Модера, что впечатляет зрительный образ спектакля — одухотворенный женский профиль на строгом фоне черного бархата. Но главное — режиссер Борис Львов-Анохин, актеры сумели разгадать высшие поэтические поды и коллдимные характеры, прежде всего в характере старшей из сестер, Нади.

«Лаура из «Каменного гостя» — Как странно, кажется, в моей жизни не было так уж много счастья; я не такой уж несчастный человек... Но если бы меня спросили: кто и хочу играть, я бы сказала: счастлиую, веселую, которая все может и всем вокруг приносит радость! — говорит Надя в пьесе.

В самом деле, жизнь ее не баловала. Лишилась родитель и в войну, росла в детском доме и при том еще воспитывала младшую сестру. Потом их нашел дядя, помог встать на ноги. И все рано Надя жила для сестры, мечтала сделать из нее актрису. Правда, гдето в глубине этой мечты срывалась другая — о собственной актерской судьбе. Но в этом Надя даже себе не сознавалась. А потом оказалось, что не у Лиды, а у нее, у Нади, блестящие актерские данные. Но старшая сестра поверила дядюшкиным уверениям, что в 26 лет актеру карьеру начинать поздно, потеряла еще несколько драгоценных лет, бросить все и прийти в театр, пережить горькие минуты срывов, стыда, потерн веры в себя и обрести, наконец, позднее и трудное счастье художника.

И почему же все-таки провал в провалом, когда она пробовала себя в ролях глубоко драматичных, в ролях страдальных героинь, и первый большой успех — бражничью жизнью, весельем пушкинских

Лаура? Д. Толмачева играет не талант вообще (да и можно ли его играть?), но талант поэтессы, с талантом, редкий. Человеческий талант, который одухотворяет ее талант актрисы, дает ему силу, стойкость и неповторимое своеобразие.

Удивительно, как даже поступая по дядюшкиным нормам и правилам, Надя умела сохранить этот внутренний свет. Да она изменила себе, считаясь с этими нормами и правилами, страдала от этого, чуть не упустила свое человеческое призвание. И победить в единоборстве с этими обескураживающе добрым человеком, как Ухов, легко ли? Но стремление к возвышенному и по-человечески красивою жило в ней постоянно, и именно на его мотлывало сопротивление натальивался дядюшка даже тогда, когда Надя была, казалось, полностью деморализована и не думала бунтовать. И оно вырвалось в конце концов на волю, сметая все преграды на своем пути.

Большой современный актер немалым без своей темы и искусства. Надя Разава пришла в театр поздно, но она принесла на сцену это — свою экстраординарную человеческую тему...

РАБОТАМ Ефремова и Толмачевой спектакль актрисы Кирилла не исчерпывает. Младшая сестра, Лидя, — лучшая, пожалуй, роль Альы Покровской на сцене «Современника».

Мультимерно и точно играет Кирилла И. Навила. В общности «указан он во второй части спектакля, что же Кирилла уже не опровергает дядюшку с мальчишеским ваяртом, напротив, легко соглашается с ним. Но будь дядюшка чуть менее безмилостивно уверен в своей правоте, он немучался бы этих годов. Дель в том, что Кирилла уже не может говорить с Уховым, ему не о чем с дядюшкой говорить. Просто он будет жить и поступать так, чтобы не оставалось на земле места уховской жизненной философии.

Вдумчив, сосредоточен и очень умно режиссер Медниский — Е. Агустинский.

Но это все, так сказать, «старая гвардия» (Покровская ведь тоже работает в театре уже несколько лет). «Современник» всерьез беспокоит тем, что давно не появлялось на его афише новых актрисных имен, которые можно было бы поставить рядом с именами Ефремова или, скажем, Табакова.

Нельзя сказать, что «Старшая сестра» рассеяла эти бесплояства. Но только здесь уже есть Шура, жена Кирилла, которую играет Г. Соколова. Это мастеровая и очень современная работа, отмеченная глубинным проникновением во внутренний мир человека, бесконечно многообразный и сложный.

Может быть, в следующем спектакле «Современника» рядом с молодыми «ветеранами» на сцену с художественным откровением выйдет не одна Соколова, и спектакль этот откроет нам истинные масштабы дарования тех члн лина за последние годика слишком успешно применяться в афишах, массовых и не очень выдающихся ролях? Может быть!

И. ЩЕРБАКОВ.